

СТ

Тихонова Анастасия

Я ДВИГА

Новая сказка о Берегине

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Анастасия Тихонова

Ядвига. Новая сказка о Берегине

«Автор»

2026

Тихонова А.

Ядвига. Новая сказка о Берегине / А. Тихонова — «Автор», 2026

Друзья мои, все мы с детства сказывали да слушали сказки. Всякие есть: где добро молодцы сражаются, где красны девицы слёзы льют, а где и нечисть лесная по ночам аукает. Одних героев мы по сей день помним, другие — и не всплывут в памяти, хоть захоти. Да только у всякого сказа есть основа: былина ли, присказка ли, легенда ли старая. И герои в них схожие, да описаны по-разному — от времени ко времени, от сказителя к сказителю. Так вот, не судите строго. Сказка сия — о старых героях, да в новом прочтении. О тех, кто в лесу заповедном живёт, о тех, кто с мечом приходит, и о тех, кого сама земля хранит. Сказывают, было это в те времена, когда ещё не делили люди правду на свою да чужую, когда лес был жив, а вода — чиста... Да что говорить. Сами всё увидите. Добро пожаловать в сказ.

© Тихонова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие	5
Глава первая	6
Глава вторая	19
Глава три	34
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Анастасия Тихонова

Ядвига. Новая сказка о Берегине

Предисловие

Друзья мои, все мы с детства сказывали да слушали сказки. Всякие есть: где добро молодцы сражаются, где красны девицы слёзы льют, а где и нечисть лесная по ночам аукает. Одних героев мы по сей день помним, другие — и не всплывут в памяти, хоть захоти.

Да только у всякого сказа есть основа: былина ли, присказка ли, легенда ли старая. И герои в них схожие, да описаны по-разному — от времени ко времени, от сказителя к сказителю.

Так вот, не судите строго. Сказка сия — о старых героях, да в новом прочтении. О тех, кто в лесу заповедном живёт, о тех, кто с мечом приходит, и о тех, кого сама земля хранит.

Сказывают, было это в те времена, когда ещё не делили люди правду на свою да чужую, когда лес был жив, а вода — чиста...

Да что говорить. Сами всё увидите.

Добро пожаловать в сказ.

Глава первая

В темнеющем лесу стояла тишина. Да не та тишина, что мёртвой бывает, а живая, дышащая. Ветер гулял меж вековых стволов, ерошил листву, шептался с травами. И в этом шепоте, в скрипе ветвей, в тяжёлом вздохе мохнатых еловых лап — голоса.

— Молодец-то какой... — пропела тонко осинка.

— Опять окаянные в лес лезут, — проворчал старый дуб.

— Красивый, — вздохнула берёзка, склонив ветви.

— У, поганое! — буркнул можжевельник.

— Ранен, бедненький... — пожалела рябина.

— Поделом ему! — каркнул ворон с сухой вершины.

Ядвига слушала, не шелохнувшись. Стояла среди леса, как и сама часть его — такая же древняя, такая же живая. Сарафан тёмный, волосы распущены, глаза — карие, глубокие, без дна. И смотрела она на того, о ком лес шумел.

Мужчина лежал ничком, уткнувшись лицом в мох. Дышит тяжело, с присвистом. Как зашёл — лес его пропустил. А это не всякому даётся. Идти шёл, видно, долго. Силы кончились, разум помутился, да так и рухнул без памяти у корней старой сосны.

Ядвига разглядывала его молча. Чужие здесь не ходят. Лес не пускает. А этого — пропустил. Чаще детей пропускает, ибо *чисты* они помыслом. Али девушек, что от зла прячутся, от напасти бегут. Но чтобы мужа взрослого, в самой поре? Такого лес просто так не пустит.

— Как же ты сюда зашёл? — чуть слышно шепнула она, будто спрашивала не его, а сам лес. — Дивно.

Тишина. Только ветер качнул ветви, да где-то в глубине ухнул филин.

— А ты у леса спроси, — раздалось откуда-то сбоку, почти из-под ног.

Ядвига и не обернулась. Знала — кто. Бай сидел на поваленной берёзе, поджав под себя хвост, и шурил жёлтые глазищи на бессознательного молодца. Шерсть тёмная, лоснящаяся, когти выпущены — так, для порядку.

— Ты что ж это, Хранитель, прозевал чужака? — спросила девушка, не глядя на кота.

Бай зевнул, показав белые клыки.

— Я прозевал? Это лес его пропустил. Моё дело — за тобой ходить, за тобой и глядеть. А лес — он сам по себе. Коль пустил — значит, надо.

— Надо, — задумчиво повторила Ядвига. — Кому надо?

Кот прыгнул с берёзы, бесшумно, как тень, несмотря на когти стальные, подошёл к лежащему, обнюхал его сапог. Скривился, мотнул головой. Девушка помолчала, глядя на раненого. Потом вымолвила холодно:

— Добить может? Пошто мучаться будет.

Кот аж дёрнулся. Жёлтые глаза его округлились.

— Ты что в лесу совсем одичала? — зашипел он. — Чай, не каждый день гости *чистые* бывают. Помочь надо.

Ядвига повела плечом, будто сбрасывая наваждение.

— *Чистый*, — повторила она, и в голосе её проскользнуло что-то похожее на насмешку. — И с чего ты взял, что он *чистый*?

Бай обошёл лежащего кругом, осторожно, по-кошачьи, потянул носом воздух у самой головы.

— А ты сама погляди, — тихо сказал он. — Лес его пропустил. Не слышишь разве? Всё ещё гудит, всё ещё помнит, как он сквозь него шёл. Не дрался, не рубился, не ломился. Шёл, молил — и лес перед ним расступался. Такое не врут.

Ядвига закрыла глаза. Прислушалась. Лес и правда гудел — ровно, спокойно, без тревоги. Так гудят деревья, когда мимо проходит свой.

— Дивно, — выдохнула повторно — Блины из-за этого *чистого* сгорят, будь он не ладен! — молвила раздражённо, дёрнула носом, глянула на восток и, резко развернувшись, двинулась в ту же сторону.

А за нею — из веточек, из травы, будто из самого воздуха, соткался, сплёлся сазанок, вазянок. Пласт, на который само собою взметнулось тело мужчины и легло, как на родное. И поплыл вослед за девицей.

Бай же хитро хвостом дёрнул, жёлтые глазищи прищурил — и за хозяйкой, только шерсть мелькнула.

— Гости... Чудно.

— Ишь ты... *чистый*, — шипела Ядвига, заходя в светёлку. — Лес его пустил, Бай умиляется, а у меня блины...

Она метнулась к печи, выхватила почерневший, дымящийся ком.

— Погорел! — рявкнула так, что с потолка пыль посыпалась. — Слышь, погорел! Из-за кого? Из-за этого...

Закончить не успела — запах гари пополз по всей светёлке, липкий, едкий. Девушка рукой махнула — будто ветер крылом ударил. Дым, что уже стлался по углам, разом собрался в тугой вихрь, крутанулся посередь избы, да и вылетел в окошко. Только ставни звякнули.

Второй рукой пальцами повела — едва шевельнула. Огонь в печи присмирел, унялся, лизнул полено и затих. Посуда, что на столе сиротливо стояла, сама собой поднялась, пере-

летела к стене и чинно устроилась на стеллажах деревянных. А на освободившееся место — пласт с мужчиной опустился.

Ядвига упёрла руки в боки, глянула на незваного гостя.

— Лежит... — выдохнула. — Красивый, *чистый*, лесной... А блины мои родненькие погорели!

Бай, успевший шмыгнуть в избу следом, уселся в углу на лавке, хвостом обмотался и жёлтыми глазищами сверлил хозяйку.

— Ты б его хоть умыла, — подал голос. — Чай, не скотина бездомная.

Она хмуро зыркнула на кота.

— Умыла... — передразнила. — Я ему, может, голову снять хотела, а ты — умыла.

— Хотела, да не сняла, — философски заметил Бай. — Значит, не судьба. А блины я не ем, ты знаешь.

— Зна-аю, — протянула Ядвига. — Рыбу подавай да сказки слушай.

Она ещё раз глянула на мужчину. Тот лежал тихо, даже не дёргался. Только грудь вздымалась — значит, жив.

— Ладно, — буркнула девушка. — Пусть пока полежит. Очухается — тогда и спросим, кто таков да зачем пожаловал.

Бай согласно моргнул.

— А блины? — осторожно спросил.

Ядвига закатила очи к потолку.

— Новые испеку! — рявкнула девица — А ты чего уселся? — обернулась вдруг к коту. — Вот и умой его, нечего без дела хвостом мести.

До следующего дня самого полудня провалился мужчина в беспамятстве. Солнце уж в зените стояло, когда он глаза смог разлепить. Долго лежал, хлопал ресницами, привыкал к свету. Потом повёл головой — осмотрел светёлку.

Пахло деревом, сухими травами, едой домашней — ухой ли, похлёбкой ли. Вокруг просто, но уютно: лавки широкие, стол дубовый, стеллажи с горшками да плошками. Мебель вся из дерева, добротная, крепкая — видать, руками заботливыми делана. Приподнялся кое-как, на локтях опёрся. Глядь — а он на печи лежит, на взголовье мягком. Ногой дёрнул — проверить, целы ли.

— Чего дёргаешься, как припадочный? — раздалось недовольное откуда-то снизу. — Поспать не даёшь.

Опустил взгляд — а там на одеяле кот развалился. Тёмный, хвостом поигрывает, а глазищи блестят — в упор глядят, не мигают. Конечно Иван испугался. Сглотнул, но виду не подал. Говорящего кота он отродясь не видывал, но ведь и сам не на базар вышел, а в лес Тайный, к самой...

Додумать не успел — дверь хлопнула.

— Очнулся, *чистый*?

Мужик и рот раскрыть не успел. Девушка стояла на пороге — руки в боки, глаза тёмные, как омуты, смотрят в самую глубь. Волосы черны, аки ночь, лицом пригожа, да дюже строга.

— Вот и нечего валяться, — цокнула она. — Мне тут одного нахлебника хватает.

И зыркнула на Бая, который уже сидел рядышком с Иваном на печи, хвостом помахивал и жёлтыми глазищами лупал. Кот сделал вид, что не про него.

— Ты, Бай, не отворачивайся, — добавила девица. — Про тебя и говорю. На рыбу налегаешь, а дела не делаешь.

— Я? — обиженно протянул кот. — Я, может, всю ночь гостя сторожил. И умывал, кстати. Вона, шерсть мокрая до сих пор.

Иван перевёл взгляд с кота на девушку, с девушки на кота. Сглотнул.

— Слезай давай, — велела девушка. — Чай, не барин. Поешь — тогда и говорить будем, чего приперся...

Иван пошевелился, ноги свесил с печи. Бай тут же перебрался к нему на плечо, будто век там сидел.

— Легкий, — прокомментировал кот, усаживаясь поудобнее. — А говорили — воины нынче не те пошли.

Девушка больше ни слова не молвила. Только хмуро занялась делом. Дровишек в печь подкинула — затрещали, заговорили языками пламени. Снедь греться поставила — уху, что с утра сварила, уже и Бай успел нахлебаться, потому и дрых до полудня рядом с Иваном. Пирожки в печи проверила — достала один, пальцем тронула, осталась довольна. Посуду на стол расставила — ладно так, умело.

А потом как гаркнет:

— И долго ждать? Рожу умыть не хочешь и руки?

Мужик дёрнулся. Кот на плече недовольно мявкнул.

— Ты, это, — начал было Иван. — Я...

— Бай-то вылизывал, конечно, — перебила девушка и усмехнулась одними уголками губ. — Да только колодезная вода чище будет.

И стоит у таза с кувшином в руках, ждёт. Взгляд исподлобья, но в глубине очей будто искорка смеха прячется.

Иван, что заворожён за девушкой глазами водил, торопливо с печи сполз. Столько сказать хотел — да будто язык отсох. Подошёл, зачерпнул воды.

А вода душистая, студёная — с рук бежит, аж пальцы ломит. Умылся раз, другой — сон как рукой сняло. Глаза прояснились, глянул на девицу иначе — не как на диво дивное, а как на хозяйку. Бросила она ему полотенце. Подхватил, вытерся — ткань пахла хорошо, свежо, будто на ветру сушили, а после в травах держали.

— Садись, чего встал, — буркнула незнакомка, кивнув на лавку.

Иван и сел. А на лавке уж Бай крутится, хвостом метёт, глазища то на Ивана, то в миску косится.

Мужчина рот раскрыл, слово хотел молвить, да девушка оборвала:

— Ешь молча.

Так за трапезой время и потянулось. Он ел с удовольствием — уха наваристая, духовитая, такая вкусная, что давно он такой на их землях угасающих не пробовал. Ядвига глядит, как мужик за обе щеки уплетает, и пирожки ему придвинула. Иван с благодарностью и их взял, вместо хлеба закусывал. Всё вкусно.

Яда же сидела напротив, в кресле деревянном, взвар травяной тянула неспешно да мужчину разглядывала. В мыслях: *хорош, красавец*.

Посмотрит на щетину — почти борода. На светлые волосы, на глаза яркие, голубые, что усталость, а красоты не убавила. На пальцы труженные, руки сильные, ростом велик — всю лавку занял.

Тут Бай фыркнул насмешливо. Ядвига глянула на кота — а тот жёлтыми глазищами лупает, смотрит на неё, всё видит, как она гостя рассматривает. И ухом ведёт, будто говорит: *вижу, мол, всё, хозяйка*.

Девушка отвернулась, в кружку свою уставилась. А щёки будто румянец тронул — то ли от взвара горячего, то ли от иного чего.

— Спасибо, Хозяйка, — Иван ложку отложил, на Ядвигу глянул с благодарностью. — Руки у тебя золотые. Вкусно так — даже мать в детстве не готовила.

Девица фыркнула, отвернулась будто невзначай, но в уголках губ тепло дрогнуло. Приятно, хоть виду не подаёт.

— Коли доел, то говори, что надо, — буркнула, пальцем по кружке постукивая. — Нечего тебе здесь делать.

Иван вздохнул тяжело. Бай тут как тут — под бок толкнулся, ласки запросил. Мужчина руку протянул, провёл мягко по тёмной шерсти. Кот зажмурился, затарахтел, как малый котёночек, хоть и велик зверь.

Иван же вроде здесь, а вроде и нет — взгляд в одну точку упёрся, мысли разбежались, время для него будто остановилось.

— Бай! — строго одёрнула Яда. — Гость-то простой, не привыкший к нечисти да люду волшебному.

Кот нехотя убрал голову из-под ладони, на хозяйку глянул обиженно, но спорить не стал — спрыгнул с лавки и уселся в углу, делая вид, что очень занят вылизыванием лапы. Ядвига на Ивана глянула — *очнулся ли?*

— Ну, язык отсох? — не так злобно, но настороженно поторопила девушка.

Мужчина тряхнул головой, будто скидывая морок. Глаза прояснились, собрался с мыслью.

— Берегиню я ищу, — начал мужчина. — Не будешь ли так добра сказать, где её найти?

— А ты кто таков, чтобы Берегиню искать? — фыркнула Яда. — Думаешь, каждому проходимцу она показаться должна?

Иван тяжело вздохнул, обречённо.

— Нет, — покачал головой. — Надеюсь лишь, что сжалится она и даст хотя бы речь держать. Пришёл я за помощью.

Ядвига криво усмехнулась, поставила кружку с взваром на стол и развернулась всем корпусом к мужчине. Глянула прямо, глаза в глаза — тёмные омуты в голубые озёра.

— Как тебя зовут?

— Иван, — ответил он, нахмурившись, но не раздумывая.

Девушка улыбнулась — хищно, остро.

— А знаешь, Иван, почему я люд терпеть не могу?

Иван замер. Глаза его непонимающе моргнули — разговор явно не туда пошёл. Он и рта раскрыть не успел, слова не нашёл, что ответить.

— Молчишь? — усмехнулась она. — Сказать нечего?

Встала, обошла стол, остановилась напротив.

— Так вы только и можете, что просить. Всю жизнь чуда ждёте с протянутой рукой, будто кто-то вам должен. А когда чудо приходит — вы его своими слепыми человеческими глазами не видите и гоните метлой поганой.

Голос её звенел, но не срывался на крик. Холодный, как осенняя вода.

— Вы зверья хуже. Они-то для своего рода всё делают, стараются и не надеются на других. У них каждый день — это сегодня: чтобы выжить и прожить достойно и не голодно. Вы же все на другого надеетесь, ждёте, вместо того чтобы взять и решить, накормить, помочь, постараться.

Она сплюнула в сторону.

— Люди... поганое племя.

И тут по коже у Ивана мурашки поползли. Будто сам воздух спёртым стал — дышать тяжело, грудь сдавило. Словно силой неведомой его к лавке прижало — ни рукой, ни ногой не шевельнуть. Сидит, как пригвождённый, и взгляда отвести не может от тёмных очей, что в самую душу заглянули.

— Яда... — раздалось предостерегающе из угла. — Пожалей.

Бай подобрался, жёлтые глазищи на хозяйку уставились, хвост перестал мести.

Ивана отпустило так же резко, как и придавило. Воздух сам собой в лёгкие хлынул, тяжесть с плеч спала. Ядвига лишь криво улыбалась, глядя, как он отдышаться пытается. Мужчина жадно вздохнул, провёл ладонью по лицу, собираясь с мыслями.

— Понимаю, — вымолвил наконец. — Что не без греха люди, не без черноты, не без злых умыслов. Не вчера родился. Много видел, многое прошёл.

Он поднял глаза — голубые, без страха.

— Но даже среди черни есть свет. Свет, надежда и любовь. И ради этого стоит бороться. Потому что пока есть свет — не ослепнет последний человек.

В светёлке повисло молчание. Бай перестал дышать, уставившись на Ивана с новым интересом. Ядвига стояла неподвижно, и лицо её будто окаменело.

— Так зачем тебе Берегиня, Иван? — устало выдохнула девушка и отвернулась к окну. Мужчина сжал руки в кулаки. Костяшки побелели.

— Просить буду, — глухо вымолвил он. — Хоть на коленях. Милости её и мудрости взывать.

Ядвига медленно обернулась. Хитро сощурилась, подошла ближе, наклонилась низко — лицом к лицу, так, что дыхание их смешалось.

— Ну смотри мне в очи, — тихо, но весомо молвила. — И проси.

— Я... — начал Иван и осёкся.

Словно молнией его поразило. Глаза расширились, дыхание перехватило. Она. Та, что кормила его, что уху варила, что пирожками потчевала. Та, что отоспаться дала, не прогнала, не убила. Та, что сейчас стоит перед ним, дышит в лицо и в очи глядит.

Берегиня.

Она и есть Берегиня.

Иван смотрел заворожённо в её глаза — тёмные, глубокие омуты, что будто манили к себе. Манили, тянули, в самую душу заглядывали.

— Ты... — только и смог выдохнуть он. — Ты и есть...

Девушка лишь веселилась — глаза её тёмные смеялись, хоть губы и были сжаты.

— Плохо просишь, — качнула головой. — Мольбы не слышу.

А мужчину будто прорвало. Затараторил, захлёбываясь словами, будто боялся, что передумает она, погонит прочь, не дослушав.

— Дева Берегиня! Смилуйся над человеком простым! Над землями стонущими, над зверьём голодающим, над детьми хворыми! Погибают без тебя! Нет хозяйки земель — и земля умирает!

Девушка шагнула ближе, подняла руку — и палец её лег на губы мужчины, заставляя замолчать.

Иван замер. Вдохнул — и почуял аромат лесных ягод. Тот самый, что давно не чуял на своих землях. Запах спелой земляники, черники, малины — будто само лето к нему прикоснулось.

Ядвига смотрела в его глаза — небесные, будто голубой водой затопленные. Медленно, едва касаясь, провела ладонью по щеке, по колючей щетине. И отстранилась.

Прошла к креслу своему, села. Руки на животе сложила, прикрыла глаза — устало, тяжело.

— Больно громкие слова твои, — тихо вымолвила. — Сказывай дальше. Что у вас происходит?

И полился разговор. Берегиня задавала вопросы — короткие, точные, словно стрелы. Иван отвечал — развёрнуто, подробно, описывал всё до мелочей, будто боялся, что не поверит, не дослушает, а он не успеет рассказать самого главного. Бай перебрался к Ядвиге на колени, свернулся клубком, прикрыл глаза — но уши торчком стояли. Не видит, а слушает.

Говорили долго. Уж свет ушёл из светёлки, опускалась на лес ночь, синяя, густая, звёздная. Только огонь в печи потрескивал, да голоса людские тихо звучали среди деревянных стен.

В какой-то момент повисла тишина — задумчивая, тягучая, как мёд.

Девушка встала, скинув с колен недовольного этим Бая. Кот возмущённо мявкнул, но тут же устроился на освободившемся месте, делая вид, что так и задумано.

— Пойдём, Иван, прогуляемся, — бросила девушка, направляясь к выходу. — Коль не боишься.

Мужчина не мешкая поднялся. Заметался глазами по светёлке в поисках сапогов — а они тут как тут, у порога стоят, будто век там дожидались.

Он шёл за девушкой и не мог поверить, что вот она — перед ним. Та самая Берегиня.

Чёрные, лоснящиеся, длинные волосы легко двигались за ней, касались спины, плеч. Она ступала босиком по листве, по мху, по сухим веточкам — и ни одна ветка не хрустнула, ни один лист не шелохнулся. Бесшумно, будто дух лесной.

Иван перевёл взгляд и только тут заметил: в руках у неё ведро деревянное, малое, лёгкое с виду. Споро перехватил его себе. Ядвига нахмурилась, глянула на мужчину искоса. А тот уже рядом шёл, нога в ногу. Она шла и думала.

Первый мужчина на её веку, кто пришёл не для себя просить. Не за животы, не за шкуру. За других. За люд простой, за детей хворых, за земли стонущие. А ведь ненавидела она люд.

Тех, что когда-то мать её предали. Тех, что гнали беременную по лесам, по полям, по дорогам, пока силы не оставили. Тех, из-за которых она сама ребёнком одна в лесу росла — где в няньках кот да деревья, где вместо колыбельной — ветер в кронах.

Когда сила пришла, никто советом не помог. Никто руки не подал, не научил, не оберег дал. Сама всё — через боль, через кровь, через бессонные ночи.

А они всё приходили. И каждый раз: дай, дай, дай...

Дай урожая. Дай дождя. Дай защиты. Дай, дай, дай.

И ни разу — что тебе надо, Берегиня? Чем помочь тебе?

Иван шёл рядом, ведро нёс, молчал. Не лез с расспросами, не тараторил, не оправдывался. Просто шёл. Был рядом. Ядвига покосилась на него снова. Светлые волосы в темноте серебрятся, глаза голубые даже ночью видно, шаг твёрдый, рука на ведре крепкая.

Первый такой.

Вышли они к реке, когда уж совсем темно было. Тут будто сам лес дышал иначе. Луна казалась ярче, чем в иных местах, светлячки над берегом роились, освещая пространство мягким, зеленоватым светом. Встали у самой воды. Не прошло и минуты, как девушка заворчала:

— Ну и чего стоишь, глаза лупишь? Мойся давай.

Мужчина удивлённо посмотрел на Берегину, потом на речку, потом снова на неё. А после глянул в ведро — будто только сейчас увидел, что там: кусок ткани чистой лежит, мыло душистое и мочала. Ядвига фыркнула, отвернулась, отошла недалеко и на бревно села — спиной к нему.

И не увидела она, как Иван тепло улыбнулся. Как вдохнул запах мыла душистого, зажав кусок в ладони. А после скинул одежду — и с берега, с разбегу, нырнул в воду.

Вынырнул — и замер от удивления.

Вода была не холодная. Не кусачая, не ледяная, хоть время ближе к осени уж. Она будто теплом его обволакивала, ласкала, принимала как родного.

Иван оглянулся. Посмотрел на девушку, что полубоком к нему сидела на бревне. Рукой со светлячками играла — водила пальцами, и те вились вокруг, не боясь, искрились в темноте зелёным светом.

И улыбалась. В простом платье, без каменьев, без росписи. Добротное, простое, старенькое даже — деревенское, с синим пояском. Но сама — неземная.

Мужчина смотрел на неё из воды, и сердце его билось часто-часто. Будто не девушка то сидела на бревне, а сама ночь обернулась человеком и улыбалась ему, играя со светлячками.

Луна серебрила чёрные волосы, светлячки плясали вокруг тонких пальцев, тени от деревьев прятались у ног. А она сидела простая, как любая деревенская девица, и в то же время — такая далёкая, такая нездешняя, что дух захватывало. Шептала что-то под нос — будто с деревьями говорила. А те к ней ветками склонялись и листвою шелестели, слушали.

Иван перевёл дыхание и ушёл под воду с головой — остудиться.

Ночью, когда он уже спал на лавке — на печь отказался лезть, ибо девушке на лавке спать негоже, а сам умогнулся как смог, — в светёлке стало тихо. Только потрескивали дрова в печи да Баюрово мурлыканье разносилось ровным, убаюкивающим гулом.

Ядвига сидела на своём кресле, глядя на спящего мужчину. Бай, успевший перебраться к ней на колени, жмурился довольно.

— Что думаешь, хвостатый? — тихо спросила она, поглаживая кота за ухом.

Бай приоткрыл один глаз, жёлтый, хитрый.

— А что думать? Вот я, когда рыбу хочу съесть — я ведь понюхаю сначала, проверю. Ты её выпотрошишь, пригостишь, и только потом я съем. Так и тут. Поглядеть надо, что да как.

Берегиня хохотнула тихо, чтобы не разбудить гостя.

— А как ты иногда прям у речки её жрёшь, в чешуе сразу, забыл? Не ждёшь, пока приготавливаю.

Бай возмущённо дёрнул ухом.

— То совсем другое дело. То рыба. А это — человек. С человеком сложнее. Его сырым не съешь.

— И то верно, — зевнула Яда и, недолго думая, забралась на печь. Спать.

Утром проснулась — на лавке пусто. Только с улицы стук доносится. Тук... тишина. Тук... тишина.

Ядвига удивлённо с печи соскочила, к дверному оконцу прильнула. А там Иван — без рубахи — дрова её колет. Те самые, что девушка переработать не успела, хоть лес уж и подсобил, сухих поленьев поднёс в дар.

Зависла девушка. Глядит, как на спине мышцы от каждого удара перекачиваются. Как остановился он, на солнце щурится, пот по лицу стекает. Как рукой мощной его стёр — и снова за дело. Полено с одного удара — вдребезги.

— Подглядываешь? — насмешливо проскрипел Бай, появившись откуда ни возьмись у самых ног.

Ядвига от окна отскочила, будто ошпаренная. Засуетилась, платье неловко поправлять начала — то рукав одёрнет, то пояс, то вообще непонятно чем занята.

— Чего выдумал, хвостатый! — шикнула на кота. — Завтрак пора готовить.

Девица скоро кашу сготовила, оладьи напекла. Вышла воды набрать из колодца, что рядом с избой стоял. А сама будто невзначай:

— Чего это ты, Иван, чем занят тут?

Мужчина обернулся, довольно ей улыбнулся. Весь в поту, рубаху на ветке повесил — сохнет постиранная. Грудь широкая, руки сильные, в ладонях мозоли.

— Труд силу даёт, — просто ответил. — Когда трудишься, вся чернь из тела выходит. И есть силы дальше двигаться.

Ведро с водой уже у крыльца поставила, собралась заносить — а он заметил:

— Не таскай ведро сама, тяжело. Оставь, я занесу.

Ядвига кивнула и ушла в дом обратно. Не сказала ему, что ей дрова порубить — одного взмаха руки довольно. Что лес сам ей сухие поленья подносит, только бери. А вода для неё и вовсе — как воздух.

Чудно ведь. Помогает ей. Она обернулась на лесенке:

— Завтрак готов.

Иван улыбнулся:

— Сейчас дровишки в поленницу сложу — и мигом к тебе.

Яда в дом залетела быстрее, чем надо. Ладошки к щекам прижала — горят. А Бай сидел на лавке, жёлтые глазищи на неё уставил, хитро так, довольно. И сметанку с тарелочки слизывал — не спеша, смакуя, будто говорил: *всё вижу, всё знаю*.

Иван быстро закончил. Плечи ополоснул на улице колодезной водой из того самого ведра, что девушка у крыльца оставила, новое набрал, в дом занёс. Наготу сверху куском ткани прикрыл — той самой, что вчера вытирался, на плечи накинул.

Ели в тишине. Пока мужчина не спросил:

— Сметана вкусная — ложка стоит. Откуда?

Ядвига лишь отмахнулась:

— Сама сделала.

Иван удивлённо уставился на девушку, что спокойно ела кашу напротив. Берегиня. Та, что лесом повелевает. Та, что силу от отца получила. Та, перед кем воины на колени падать готовы. А она сметану сама делает. Диво.

Собирая тарелки после завтрака, Яда бросила будто невзначай:

— Дел у меня полно сегодня. Так что не мешайся под ногами.

Мужик тут же подхватился:

— Так давай я помогу.

Ядвига хмуро на него глянула, бровь изломила:

— Мне лес к отъезду подготовить надо. Чем ты помогать собрался?

Иван рот открыл ответить — и тут до него дошло. К отъезду. Значит, Берегиня с ним пойдёт. Счастье в груди закрутилось так, что не удержался мужчина — подхватил девушку на руки да закружил по светлице. Она только глазами хлопнуть успела. А после, опомнившись, виновато опустил. Повисла неловкая тишина.

Ядвига стояла, непривычная к таким чувствам внутри, и не знала, куда руки деть. А потом злобно спросила — будто ошетибилась:

— Считаешь, что люд там заслуживает этого шанса?

Иван глянул прямо, уверенно, без тени сомнения:

— Да. Клянусь жизнью своей.

Яда ядовито кивнула:

— Тогда ловлю на слове. За язык тебя никто не тянул.

Развернулась и ушла в лес, даже не оглянувшись. А мужчина остался стоять посреди светёлки. И только сейчас понял, какую страшную клятву он дал Берегине.

Иван крутился один до вечера. Успел и у лесенки к избушке две ступеньки на новые заменить. И воды ещё натаскал в дом. И дрова остальные порубил. И полы помыл. И дверь смазал, чтоб не скрипела. И грибов насобирал. И картошки с грибами нажарил.

А девушки с котом всё не было. Стемнело. Иван вышел на крыльцо, присел на верхнюю ступеньку, всматриваясь в лес. Ждал. Глаза слипались, но он боролся. А потом сдался — погрузился в беспокойный сон, сидя на последней ступеньке у двери.

Так и нашла его Ядвига ночью. Тронула за плечо — мужчина сразу проснулся, вскинулся.

— Кого караулишь? — тихо спросила.

— Так тебя ждал, — ответил Иван, протирая глаза. — Голодная ведь. Весь день не появлялась, да и ночь уже. Не страшно? Зверьё ведь дикое вылезает.

Девушка лишь устало вздохнула и, заходя в дом, молвила:

— Не видала я ещё зверья страшнее человека.

В руках у Берегини был посох из дерева, переплетённый ветками — будто те в объятиях замерли. А сверху камень горел малахитовый, переливался в тихих языках пламени из печки. Она его сразу в уголок трепетно убрала.

После Яда подошла к тазу. Мужчина, тихонько следовавший за ней, подошёл и полил ей воды из кувшина. Она сполоснула лицо и руки. А после опустилась в своё кресло.

— Ну угощай, — кивнула на стол. — Смотрю, похозяйничал тут.

Иван быстро накрыл на стол. Правда, холодное всё было — картошка поджаристая с грибами остыла за день. Но девушка ничего не сказала, молча ела.

Мужик себе листья мяты да смородины заварил — и девушке такую же кружку поставил. Придвинул поближе, молча. Сидел, грел пальцы о свою кружку, искоса поглядывал на Берегиню. Тишина в светёлке стояла уютная, тёплая. Только ложка о миску звякала, да дрова в печи потрескивали.

Тут дверь приоткрылась — и кот зашёл. Отряхнулся на пороге, как собака, от редких листьев в шерсти.

— А меня накормить? — тут же заявил усатый.

Иван лишь усмехнулся и подал ему тарелку с варёной рыбой — тоже днём подготовил, будто знал, что и Баюн голодный будет. Девушка только доела — а мужчина уже подхватился. Всю посуду в ведро собрал, на улицу вышел, перемыл и вернулся. Деловито так, споро, будто век этим занимался.

Ядвига лишь устало за ним наблюдала из своего кресла. А внутри будто лето грело — тёплое, уходящее.

На следующее утро Иван проснулся от шороха в светёлке. Открыл глаза, приподнялся на локте. На столе лежал мешок — основательный, кожаный, с лямками. Рядом аккуратной стопочкой — женское платье, нижняя рубаша, пояс. И несколько маленьких мешочков, уже перевязанных верёвкой.

Ядвига стояла спиной, что-то шептала себе под нос, отсыпая из глиняного горшочка в один из таких мешочков. Сосредоточенная, деловитая. Иван смотрел на неё и не верил глазам. Собирается. Правда собирается.

Пока девушка скрупулезно вещи отмеряла в дорогу, Бай сидел на печке и только глазами следил за обстановкой —туда-сюда, будто думал, вмешиваться или не стоит. Мужик вышел, умылся, вернулся со стопкой дров. Развёл печь, сготовил кашу — споро и умело. А Ядвига как не здесь была. Глаза по светёлке водила, по углам, по стенам, по каждой веточке, что на стеллажах стояла. Что-то шептала — то громче, то тише, то вовсе беззвучно губами шевелила. Прощалась.

Наконец Иван дождался, когда всё переключает в кожаный мешок и место на столе освободится. Тут же занял его мисками с кашей.

— Поешь, — позвал.

Девушка будто только его заметила — так сосредоточена была на своих делах. Кивнула молча, кашу проглотила быстро, не жуя. Мужчина так же молча доел и, как вчера, сходил сполоснул посуду.

А за это время Ядвига уже у двери на улице топталась — хмуро ждала мужчину.

Когда он занёс посуду, обулся, накинул кафтан поверх рубахи, вышел. Берегиня прикрыла дверь и пошла по лесенке вниз. Кот запрыгнул Ивану на плечо, вцепившись стальными когтями в кафтан. Мужчина поморщился, но ничего не сказал.

Догнал девушку, тихонько за руку тронул:

— Ты босиком что ли собралась?

Ядвига посмотрела на свои босые ноги, передёрнула плечами — и дальше пошла вглубь леса.

— Земля мягкая, стелется.

Иван нахмурился, но ничего не сказал боле. Только про себя решил: в первой же деревне обувку ей справную купит. Не дело Берегине босой по земле ходить, хоть она и говорит — мягкая.

Глава вторая

Шли недолго, но чем дальше, тем гуще лес становился. Ветки сплетались над головой, тропы не было — одна глухомань. Иван оглядывался: один бы он тут точно не прошёл. Заблудился бы в первом же часу. А перед девой деревья будто расступались.

Ветви, что только что дорогу загораживали, в сторону отходили. Корни, что из земли торчали, глубже уползали. Трава стелилась ковром, не путалась под ногами. Лес дышал, и дышал он с ней в лад.

Тут деревья в сторону отошли — и появился просвет. Вышли они на дорогу, что змеёй вилась и вправо, и влево. А впереди — поле жухлое.

Контраст был виден сразу, даже дышать иначе стало. Земля сухая, потрескавшаяся. Трава не зелёная — жёлтая, мёртвая, к земле припавшая. Ни урожая, ни жизни. Только в отдалении виднелось сбирище мужиков, несколько костров горело, кони ржали — тоскливо так, будто чуяли беду.

Их заметили сразу.

Навстречу выдвинулось человек пять, а во главе — самый большой, мощный из них. Плечи — косая сажень, лицо суровое, обветренное, в глазах усталость и тревога. Иван тихонько зашептал Ядвиге:

— Тот, что могучий самый — наш воевода Всеволод Радимыч. Это он нас сюда довёз. Справный мужик, дружина у нас хорошая. Он за своих горой. Всегда поможет и словом, и делом.

Девушка лишь нахмурилась. От неё-то не скрыть ничего. Это она лес заговаривала, это её сила люд проверяет и не пускает *нечистых*. Каждого, кто к заповедной чаще подходил, она чувала — далеко, за версту. Знала, кто прошёл, а кто так и остался стоять у невидимой стены.

И воеводу она не пропустила. Знала. Помнила, как он у кромки леса топтался, как зверем раненным озирался, как рвал и метал, да только сила выше его оказалась. Не пустил лес.

А теперь стоит перед ней, смотрит. И в глазах — не злоба даже, а что-то иное. Будто вину чувствует. Будто знает, что она знает. Яда глянула на него исподлобья, но ничего не сказала. Только ветер вокруг неё стих, и лес за спиной замер — ждал.

Всеволод наконец-то приложил руку к сердцу да поклонился — низко, почти до самой земли сухой. Остальные воины разом на колени бахнулись и замерли, головы опустив. Только кони всхрапывали где-то позади, да ветер сухую траву шевелил. Яда усмехнулась уголками

губ, но молчала. Стояла, как каменная, босая, в простом платье, а от неё сила расходилась — будто воздух вокруг звенел.

Воевода выпрямился, глянул ей в глаза и молвил:

— Спасибо тебе, Берегиня, что откликнулась. Что вышла к нам, простым людям, в подмогу.

Ядвига усмехнулась — криво, остро, будто лезвием полоснула. Перевела взгляд на Ивана, что стоял чуть поодаль, и только потом снова на воеводу.

— Не тебе меня благодарить, — бросила холодно. — Вон он, — кивнула на Ивана, — старался. Ему и спасибо скажи. Коли б не он, не видать бы вам меня, как ушей своих.

Всеволод дёрнулся, будто пощёчину получил. Глянул на Ваню — впервые, кажется, по-настоящему увидел того, кто под носом всё время был. Тот только бровь повёл, но промолчал. Бай на плече довольно заурчал.

Воевода выпрямился, руку от сердца убрал, но глаз от девушки не отвёл. Стоял, терпел — видать, привык к испытаниям.

— Виноват, Берегиня, — глухо вымолвил. — Не уберег земли. Не оправдал...

— Ой, да будет тебе, — перебила Ядвига, закатив очи к небу. — Сопли развёл, как девка красная. Ты мне тут главное скажи, Сева, — она выделила это имя с особой, тягучей насмешкой, — сам-то понял, за что тебя лес не пустил? Или так и будешь думать, что это я тебя за ворота поставила?

Всеволод дёрнулся, будто от удара. Бай на плече Ивана тихо засмеялся — по-кошачьи, булькающе.

— Понял, — выдохнул воевода. — Всё понял.

Ядвига голову наклонила, разглядывая его, как букашку под лупой.

— Ой ли? — усмехнулась. — Ну-ну. Посмотрим, какой ты понятливый, Севушка.

И боле не задерживаясь, двинулась дальше — к остальным мужикам, что уже повскакивали с колен и теперь с трепетом ждали приближения Берегини. Только чем ближе она подходила, тем больше сила внутри ярилась.

Увидела девушка коней в стороне. Тощих, уставших, с понурыми головами. Гривы и хвосты — что тряпки старые, свалявшиеся. Даже на свету блеска нет, ни намёка на былую статью. Ядвига остановилась, вдохнула глубоко. Глаза потемнели, будто небо перед грозой. Воины замерли, боясь слово вымолвить.

— Вижу я, Сева, как не уберег, — почти сплюнула Ядвига. — Даже скотину, что тебе служит.

Она глянула на тощих коней, на потухшие глаза. И что-то в ней перевернулось. Не злость даже — горечь.

— Э-эх, — выдохнула девушка и топнула босой ногой о сухую землю.

Земля вздрогнула. Сначала тихо — будто дыхание из-под корней. Потом сильнее — загудело, зарокотало где-то в глубине. Воины попадали наземь, кто на четвереньки, кто пластом. Кони их жалобно заржали и припали к земле, чуя великое. А из леса, из самой чащи, из тумана, что вдруг поднялся над жухлым полем, стали выступать они.

Индрики.

Мощные тяжеловесы — смесь то ли быка и лошади, то ли мула. Два рога — массивных у каждого, тёмно-серые, как старый камень или черные, тёмные, шерсть переливается, будто сама ночь по ней скользит. Гривы длинные, тяжёлые, до самой земли. Копыта булатные — звенят, ступая по сухой траве. Из ноздрей пар валит, а то и огонь — чуть заметный, но живой. Глаза — умные, золотые и голубые — глядят на людей без злобы, но с таким спокойным превосходством, что у воинов души в пятки ушли. Ростом — больше любой лошади. Некоторые — как холмы малые.

Индрики вышли, встали полукругом, заслонив Ядвигу от войска. И замерли, только хвосты длинные изредка метут по земле. Самый большой — тот, что ростом чуть ли не с избу, с

глазами золотыми, что тёплым светом горели, — подошёл к Ядвиге. Морду огромную подставил, почти с неё ростом.

Девушка шагнула к нему, обхватила руками эту громадину трепетно, прильнула щекой к тёмной, лоснящейся шерсти. Тонкими, но мозолистыми пальчиками поглаживала, водила по мощной скуле, по широкому лбу между рогов. Зашептала — тихо, ласково, по-свойски:

— Братец мой... спасибо, что на зов откликнулся. Подсоби в дороге нелёгкой. Дела у нас есть.

Индрик дёрнул мордой — будто кивнул, соглашаясь. А потом повернулся и уставился золотыми глазищами на тощих лошадей, что жались друг к другу у края поля. Подошёл к каждой. Неспешно, тяжело ступая булатными копытами. Остановился возле первой — кобылы гнедой, что стояла, понунив голову. Ткнулся мордой в холку, потёрся — ласково, по-родному. И лошадь дрогнула.

Будто искра пробежала по телу — от холки до самых копыт. Шерсть её, тусклая и свалявшаяся, вдруг заблестела, залоснилась. Грива ожила — заструилась, заиграла на ветру тёмными прядями. Хвост поднялся, распушился. А глаза — мутные, уставшие — вспыхнули, налились светом, силой, жизнью.

Вторая, третья... Каждая, кого касался Индрик, преображалась на глазах. Худоба уходила, бока округлялись, ноги крепили. Кони вскидывали головы, всхрапывали бодро, нетерпеливо били копытами — будто не минуту назад еле стояли, а век паслись на тучных лугах.

Воины рты раскрыли. Кто крестился, кто замер, боясь дышать. А кони их — красивые, сильные, полные жизни — уже не жались в кучу, а гордо перебирали ногами, косясь на хозяев умными, благодарными глазами.

Зверь закончил, отошёл в сторону, встал за спиной Ядвиги — огромной тёмной горой, охраной и свидетелем. Ядвига повернулась к остолебеневшему Воеводе.

— Вот, — тихо сказала, глядя прямо в глаза. — Смотри, Сева, как беречь надо.

А Всеволод и дар речи потерял. Стоял, хлопал глазами, и слова вымолвить не мог — только смотрел на чудо, что на его глазах свершилось. Ядвига повернулась к Индрику. А тот уже ноги подогнул, наземь опустил — чтобы девушка сесть на него могла, как на коня, да с почётом.

Иван сразу подошёл, руку подал, помог забраться. Девушка кивнула ему с благодарностью — коротко, но в глазах тепло мелькнуло. А после рукой повела в сторону. Из полукруга тотчас вышел другой Индрик — чуть поменьше, но такой же мощный, с двумя рогами и шерстью тёмной, переливчатой. Подошёл к Ивану, так же пригнул передние ноги, голову склонил — садись, мол. Иван глянул на Ядвигу, та только бровь повела — *мол, чего ждёшь?*

Ухватился за длинную гриву, вскочил на спину зверю. И сразу почувствовал: под ним не просто скотина — сила древняя, тёплая, живая. И дышит Индрик ровно, и мышцы под шерстью перекачиваются, и от него самого покой идёт.

Кот только мявкнуть успел — и когтями ещё глубже в кафтан впился, прошли насквозь, как масло.

— Осторожнее, небось не бревно тащишь, — пробурчал недовольно, ёрзая, чтобы поудобнее устроиться.

Иван виновато погладил кота по голове, почесал за ухом. Бай довольно прижмурился, но когти убирать не спешил. У дружины рты так и не закрывались. То индрики, то кот говорящий — одно диво другого чуднее. А самый молодой из воинов даже перекрестился украдкой, но тут же под взглядом товарищей смутился.

Ядвига на всё это чудное воинство глянула — на притихших мужиков, на разинувших рты дружинников, на Всеволода, что всё ещё слова вымолвить не мог. Коротко кивнула — довольно, мол. А оставшиеся Индрики развернулись и один за другим ушли обратно в туман.

ный лес. Бесшумно, будто и не было их. Только лёгкий пар над землёй ещё курился там, где они стояли.

— Сева, — окликнула девица насмешливо, — твоя дружина только мух ловить ртами умеет? Собирайте пожитки и догоняйте нас. Некогда мне тут с вами...

Она тронула Индрика, и тот шагнул вперёд — плавно, широко, будто не зверь, а сама земля под ним плыла. Иван пристроился следом, на ходу оглядываясь на остолбеневшее войско. Кот на плече довольно шурился, поглядывая на людей свысока.

Всеволод наконец очнулся, гаркнул что-то неразборчивое — и дружина зашевелилась. Забегали мужики, засобирались, загалдели, кони их новые, сильные, нетерпеливо копытами били. А двое на Индриках уже уходили вперёд — туда, где за жухлым полем начиналась дорога, а за ней — новая, неведомая земля.

Дружина нагнала их только через пару часов пути. А Ядвига всё ехала и чем дальше, тем больше хмурилась.

Природа гасла.

Если лес её был говорящим, дышащим, живым — каждый лист, каждая травинка пели свою песню, — то здесь всё кричало. Но крик этот был беззвучным, предсмертным. Земля под копытами вздыхала тяжело, будто больная.

На полях — никакого урожая. Пустота. Только изредка виднелись несколько грядок свеклы да капусты, и те — жиденькие, чахлые. Ближе к полудню встретила небольшая полоска кукурузы — низкорослой, бледной, будто сил у неё не было даже до неба дотянуться. Дорога — сухая, пыльная. Под булатными копытами Индриков она трескалась ещё больше, расходилась глубокими бороздами, будто сама земля ранилась об их тяжёлую поступь.

Ядвига молчала. Только пальцы сильнее впивались в тёмную гриву зверя, да ветер трепал её чёрные волосы, смешивая с пылью.

Всеволод наконец решился поравняться с Индриками — шагом сдержанным, почтительным, чтобы зверей не потревожить. Подъехал, руку к сердцу приложил, голову склонил.

— Дозволь слово молвить, Берегиня.

Кот с плеча Ивана насмешливо фыркнул и обронил, довольно шурясь:

— Ты погляди... Тебя не заткнуть было, а этот вон — разрешения просит говорить.

Ядвига молчала. Всеволод тоже боялся вздохнуть — так и ехал рядом, руку от сердца не убирая. Иван нахмурился, переглянулся с котом. Бай не выдержал первым:

— Да говори уже! — фыркнул он, дёрнув хвостом. — Как ты войском руководишь, если перед девицей мнёшься, как парень нецелованный? Всеволод громко выдохнул, как перед прыжком в воду, и только собрался рот открыть — но услышал холодный, как осенний лёд, голос Берегини:

— Я тебе дозволения рот открыть не давала. У меня с Иваном уговор, и с ним дела вести буду.

Иван и Всеволод сошлись взглядами. Воевода кивнул ему головой — *мол, отойдём, давай, потолковать надо*. Мужчина только развернул Индрика, собираясь отъехать, как зверь Ядвиги резко всхрапнул и развернулся к лошади воеводы, заслоняя дорогу.

— Иван будет подле меня, — отрезала Ядвига. — И не смей больше глаза свои бесстыжие на меня поднимать без спросу. Она помолчала, давая словам осесть в пыльной тишине.

— Этот человек жизнь мне за вас всех обещал. Коли не оправдаете чаяний. И пока его смерть — благодаря тебе — близка как никогда.

Всеволод побелел. Глянул на Ивана — и впервые, кажется, увидел в нём не простого дружинника, а того, кто сейчас между ним и Берегиней стоит. Буквально.

Дружина после этого держалась на неком расстоянии, а девушка хмуро продолжала путь и смотрела по сторонам на гиблую природу. Несколько раз в полях мелькали люди. Вроде и

застывали, глядя на войско, но не приближались — свои дела были важнее праздного любопытства.

Иван долго молчал, но осмелился заговорить:

— Не гневайся, Берегиня. Не хотели тебя ребяташки обидеть. Мало они хорошего в жизни видели, жизнь тяжёлая, но они правда хорошие.

Ядвига выдохнула устало:

— Я тебе не маленькая девочка, что обижаться. Но сам, Иван, посмотри вокруг. Это всё сделали люди.

— Да разве могут люди на природу влиять? Это только тебе да Роду было подвластно.

Девушка дёрнулась при слове «Род» и горько улыбнулась:

— Заблуждаешься, Иван. Но коли уж ты мне решил показать земли людские, я тебе на них тоже покажу, в чём ты ошибаешься. Коли не дурак — поймёшь.

Они помолчали, каждый о своём. А потом Ядвига спросила — тихо, будто невзначай, но в голосе дрогнуло:

— А что Род? Давно помер?

Иван внимательно посмотрел на её профиль — на то, как дрогнули тонкие брови, как сжались губы.

— Лет тридцать как уж, — тихо ответил. — После этого и пошло всё вкривь да вкось. Все на княгиню Чернаву понадеялись... Но... — он помолчал, подбирая слова. — Вот уж где черноты людской полно, так это в ней. Из-за таких поверю, что силы природные от нас отворачиваются.

Ядвига ничего не ответила. Только пальцы, вцепившиеся в гриву Индрика, побелели.

— Чернава кто? — хмуро спросила девица, не поворачивая головы.

— Так дочь Рода, — Иван пожал плечами и посмотрел на горизонт, где уже виднелись крыши деревеньки. — Княгиня наша. Как батюшка преставился, она одна у власти осталась. Только власти той...

Он не договорил, только рукой махнул.

— Сестра, значит, — прошептала себе под нос Ядвига так тихо, что и ветер не услышал. Только Индрик под ней ушами повёл, да Бай на плече Ивана насторожился.

В деревню они добрались, когда закат уже рукой им махал — золотой, тёплый, последними лучами травы золотил. Местные, как и дружина, рты раскрыли. Стояли кто у плетня, кто у колодца, кто из окон повысовывался — и смотрели на выезжающее войско.

Да только не на людей глядели — на зверьё.

Индриков им отродясь видеть не доводилось. Огромные, тёмные, с булатными копытами и умными глазищами — шагали степенно, будто не по земле, а по облакам ступали. А кони дружинные — справные, сияющие, с развевающимися гривами — таких лошадей в деревне уже десятки лет как не видывали. С того самого дня, как земля сохнуть начала.

Ядвига вела Индрика только по одному ей ведомому пути. Остановилась у избы — не приметной с виду, но добротной на фоне остальных.

Брёвна не трухлявые, окошки свежевыбеленные, крыша свежей соломой перестелена. Видно было — хозяева держатся, не опускают руки, хоть земля и сохнет.

На крылечке уже стояли, вылупившись на неё, ребяташки: двое мальчишек — один постарше, другой чуть младше, и девочка лет десяти. Матушка в простом крестьянском платье — с заплатками, но чистом — прижимала их к себе, не то оберегая, не то сама за них прячась.

А за плечами женщины — мужик. Хозяин. Стоял, руку ей на плечо положил. Уставший, рубаха в грязи — видно, только с полей вернулся. И глаза у него были такие... будто всё уже видел, всё понял, а жить надо дальше.

Индрик всхрипнул и опустился на передние ноги, давая Ядвиге сойти. Ребятня вмиг в дом спряталась — только любопытные носы из-за двери торчали да глаза блестели в щёлке. А мужик жену за спину завёл, да за руку взял — крепко, защищая.

Ядвига слезла с животного, погладила Индрика по тёплой морде, шепнула что-то благодарное. Тот довольно выдохнул, но с места не сдвинулся — ждал. Девушка подошла к семейству. Остановилась в нескольких шагах, голову склонила — не гордо, а уважительно.

— Вечера доброго вам в дом, хозяева. Приютите ли на ночлег к себе двух путников усталых?

Мужик на жену посмотрел. Та робко кивнула, и только тогда он ответил:

— Конечно, гостям всегда рады. Разделим, чем богаты.

Ядвига тепло улыбнулась обоим — светло так, по-человечески. Всеволод тоже спешился и подошёл к Ивану — уже наученный горьким опытом. Только рот раскрыть хотел, как Ядвига, повернувшись ко всей дружке и к жителям деревни — а те уже обступили их со всех сторон, глаза на диких зверей и вооружённых людей, — зычно молвила:

— Кому помощь в домах нужна?

Люди замерли, не веря ушам.

— Каждый подходите к воинам. Кому сколько человек нужно и кого прокормить сможете на одну ночь. А вам, дружина, — мой наказ: помочь простому люду в чём потребно. Дров наколоть, воды натаскать, починить что трухлявое. А кому и похлёбку помочь сварить, аль дом прибрать. Чтоб не слышала, что работы чураетесь и просто так еду чужую жрёте. Понятно?!

Дружина закивала быстрее, чем она договорить успела. А жители тут же оживились — зашумели, загалдели, потянулись к воикам, приглашая по домам. К Ядвиге мужик-хозяин подошёл, на Индрика глянул и расстроенно молвил:

— Матушка, нет у нас стояла такого, чтобы зверям вашим в пору было. Больно большие. Да и места там только для наших деревенских кобыл хромых.

Девушка кивнула:

— Веди.

Прошли через пару домов — и правда, показалась конюшня. Небольшая, старенькая, а за ней — поле, пустое, тёмное, уходящее в ночь.

Ядвига подошла к зданию, положила ладонь на брёвна, глаза прикрыла. Замерла.

Хозяин на Ивана посмотрел почти с вопросом: *чего это она?* Иван только плечами пожал — *мол, не знаю, но лучше не мешай.*

Минута прошла. Другая. И тут из поля, будто из вечерней темноты соткавшись, навстречу им фигура показалась. Шла не спеша, но с той особой статью, что бывает только у лесных жителей. Яда глаза открыла и тепло улыбнулась.

Ближе подошёл — и мужики его рассмотреть смогли. Высокий парень, молодой, с щетиной на лице. Волосы длинные, песочные, внизу в четыре косы заплетены да шнурками перевязаны. А на голове — уши торчат, как у лошадей. Не человечески, нет — звериные, тёплые, подвижные.

— Баган, брат, — Ядвига раскрыла объятия. — Рада видеть тебя.

Мужчина шагнул к ней, прижал тепло, бережно — будто сестру, которую сто лет не видал. А в глазах его, лошадиных, больших, светилась такая преданность, что у мужиков дух захватило.

— Ну рассказывай, как дела твои, справляешь? — спросила Ядвига, идя рядом.

Баган приобнял девушку за плечи — бережно, по-братски, и они двинулись к мужикам, к конюшне.

— Тяжёлые времена, сестрица, — вздохнул он, уши его дрогнули. — Но справляемся. Хозяин здесь умелый — такому грех не подсобить.

Зашли в помещение. Чисто. Не воняет, как в иных хлевах. Кони — хоть и не покатые, как у богатых людей, но и не такие паршивые, как у войска были. Гривы в косы заплетены, шёрстка чищена, сено жуют степенно, без жадности. Видно было — ухаживают здесь, любят.

Девушка довольно осмотрелась. Иван тоже прошёлся следом, подивился про себя: в дальней деревне, в гиблых местах — а зверьё так хорошо выглядит. Видать, не зря этот невиданный Баган тут старается.

Ядвига братца за локоток взяла и к своим Индрикам вывела. Баган подошёл, провёл рукой по гладкой тёмной шерсти, по длинной гриве.

— И ты, брат, здравствуй, — тепло молвил. — Давно не виделись.

Зверь мордой махнул, ушами повёл — *мол, да, давно. Тоже рад видеть.*

Поговорили они ещё немного о своём — о скотине, о кобылах, о прочем зверье, что по дворам держат. Баган рассказывал, Ядвига слушала, кивала иногда, а иногда и сама спрашивала — коротко, но по делу.

Хозяин и Иван в стороне стояли, дожидались. Мужик прямо так и стоял — ни прислониться, ни присесть. Чувал, видно, что сейчас проверка его идёт. Что здесь, в этой конюшне, у этих коней, судьба его решается. Не в бою, не в поле — а в том, как он за скотиной ходит, как хозяйство ведёт.

Иван рядом помалкивал, только поглядывал то на Ядвигу, то на хозяина. Тоже чувал — сейчас что-то важное произойдёт.

— Брат, присмотришь за нашими-то? — Бергиня кивнула на Индриков. — Ночь, а завтра в путь дальше отправимся.

Баган кивнул, уши его дрогнули.

— Конечно. Нам есть о чём поболтать, — усмехнулся он.

Обнял девушку ещё раз — крепко, по-родному. А после двинулся обратно в поле. Индрики — за ним. Ступали тяжело, но тихо, будто и не звери, а тени. И так и растворились в ночи. Будто и не было никого.

Девушка вернулась к мужикам и поманила за собой — обратно в деревню, к дому, где ночевать будут.

Там уж хозяйка на пороге дожидалась, извелась вся. В деревне, несмотря на сумерки, большой гул стоял — слышались топоры, смех, скрип половиц да телег. Жизнь кипела там, где ещё утром была только усталость и тишина.

Женщина улыбнулась и пригласила в дом неведомую девушку, которой зверьё невиданное подчинялось да войско повелевалось. В горнице уже стол накрыт был — просто, но от души: миски с кашей, ломти хлеба, крынка с молоком да соленья в плошках. Пахло домом, теплом, заботой.

За ужином лёгкий разговор завязался. Иван больше речь держал — про дорогу, про войско, про то, как земля гибнет. Хозяйка слушала, поддакивала, мужик её изредка слово вставлял. А Ядвига молчала. Только изредка рубила коротко, будто точки ставила.

Потому как в спину, в углу дома, за печкой, сама Смерть дышала. Ждала своего часа.

Девушка встала — и разговор затих. Она посмотрела на дальнюю дверь, прикрытую.

— Кто там?

Женщина горько глаза прикрыла. Хозяин нахмурился, дети затихли, вжались в лавку. Иван опасливо переводил взгляд с одного на другого.

— Дочь старшая... — выдавила из себя женщина.

— Пошли, — сказала Ядвига и, не спрашивая больше, двинулась к двери. Отворила и зашла.

В горнице пахло обречённостью. Тонкое, словно молодое деревце, тело девушки лежало, прикрытое одеялком. Глаза впалые, закрыты, дыхания почти не слышно.

Яда села с краю, рукой погладила девушку по голове, по щеке синюшной, почти прозрачной. В ответ — ни движения, ни вздоха.

Женщина и Иван зашли следом. Мужчина степенно осмотрел всё и девочку тоже, угрюмо нахмурился. Бай юркнул в прикрытую дверь, запрыгнул на кровать, уселся с другой стороны и тоже внимательно уставился на лежащую девушку — жёлтые глаза в пол-лица.

Берегиня взяла руку девушки — безвольную, ледяную — и прижала ладошкой к своей щеке. Глаза закрыла и замерла. Тишина повисла в доме.

С улицы ещё доносились звуки — топоры, смех, скрип телег, — но здесь, в этой маленькой горнице, даже дышали почти бесшумно. Те, кто в комнате стоял, и те, кто в горнице остался, — все затаились, боясь шелохнуться.

Долго сидела Ядвига, прижав холодную руку девушки к своей щеке. Шептала что-то изредка — тихо, обречённо, не надеясь на ответ.

Ночь уже вступила в свои владения. В горнице зашевелился хозяин, разгоняя детей спать, когда Ядвига наконец открыла глаза. Они даже в лунном свете из окна блеснули — слезами.

Посмотрела она на женщину, что застыла в дверях. И будто немой диалог между ними произошёл — без слов, без звука. Материнское сердце всё поняло раньше, чем губы успели бы вымолвить.

Берегиня аккуратно, будто хрустальную, положила ладошку девушки на одеялко, погладила ещё раз — нежно, прощаясь. И встала.

— Бай... — голос её дрогнул, но она совладала с собой. — Убаюкай дитя.

И вышла, не оглядываясь. Иван только настороженно замер, не понимая, что случилось. Чуда не было. Девушка была почти трупом холодным — так и осталась. Он перевёл взгляд с пустого порога на постель, где кот уже улёгся рядом с умирающей, замурлыкал тихо, тягуче, как умеют только коты, когда чувствуют беду. Иван вышел в горницу. Хозяин уже сидел один, ссутулившись, глядя на огонь в печи. Ядвиги в доме не было.

А через пару минут следом женщина вышла. Подошла к мужу, обняла его со спины и прошелестела тихо, но Иван услышал:

— Ушла наша девочка... Наконец-то поплыла по тёплым рекам Яви.

И тут понял Иван — девочка умерла. В душе злоба взметнулась резко, яростно, обожгла изнутри. Выскочил он из избы, глазами вращая в поисках Ядвиги. А она сзади дома сиротливо пристроилась на лавке. Руки сложила безвольно на коленях, голову опустила.

Подскочил Иван к ней:

— Почему?! — голос сорвался. — Почему не спасла дитя это несчастное? Али силы для простых людей жалко?

Выплюнул — и тут же пожалел о словах своих. Потому что подняла она на него глаза свои тёмные, а в них — боль. И усталость такая, будто век не спала.

— А ты думаешь, Иван, что можешь с меня спрос держать? — горько усмехнулась. — Думаешь, в моей шкуре смог бы судьбами ворочать? Что я зажралась?

Голос её стал тихим, зловещим. И тут же рука взметнулась — пальцы впились ему в кожу, крепко, больно, чтоб не вырвался.

— Ну так смотри. Да почувствуй.

И взорвался красками мир перед глазами.

Замелькали картинки, будто сама жизнь перед ним развернулась. Девушка — та, что в комнате холодной лежала, — но только живая, красивая, румяная, смешливая. Бегала по двору, косу заплетала, матери помогала, отцу улыбалась.

А потом — как гасла она.

Как боролись родители, как целители приходили, шептали, травы давали, но смерть уже вцепилась в неё когтями и не отпускала. Гас цветок яркий — медленно, болезненно, день за днём.

Иван слышал крики её по ночам — от боли, от бессилья. Видел слёзы матери, что уткнулась в подушку, чтоб дети не слышали. Чувствовал всё на себе — будто сам с ней умирал. Сердце сжималось, воздух сгушался, дышать становилось нечем.

И увидел он Ядвигу.

Как она боролась. С природой говорила, упрашивала, требовала. Та силу свою последнюю отдавала, а девушка лила её и лила в этот цветочек некогда яркий, но угасающий. И без толку. Будто мимо проливалось всё. Сколько бы Ядвига ни пыталась — ничего.

Душа уже переступила порог Яви. А туда дороги живым нет. Всё, что могла Берегиня — это прекратить боль телесную в мире этом. И отпустить.

Картинка померкла. Иван стоял на коленях, сам не зная, когда упал, и смотрел на Ядвигу совершенно другими глазами. Подполз он к Яде, обхватил руками её стан, головой к коленям прижался.

— Прости... прости меня... — шептал не переставая, и плечи его вздрагивали. — Сколько же боли тебе приходится чувствовать? Каждый раз такой? От каждого цветка, от каждой травинки, что гибнет? Как же ты выдерживаешь?

Девушка молчала. Только руку подняла — и положила ему на макушку, на светлые волосы. Погладила — устало, бережно.

— А ты думал, Берегиня — это сидеть на троне да приказывать? — тихо спросила она. — Это чувствовать всё. Каждую былинку, каждую тварь живую. И знать, что не всех спасёшь. И жить с этим.

Иван только крепче обнял ее, и в темноте ночной, под звёздами, двое сидели на лавке — простая девушка в стареньком платье и воин, который только сейчас понял, как мало он знает о мире.

Утром стало ясно, что только детям в доме удалось поспать этой ночью хорошо. Иван то проваливался в сон, то выныривал из него, будто в реке тонул — хватал воздух ртом и снова падал в беспамятство. Слишком много всего в голове мешалось: и боль чужая, и глаза Ядвиги со слезами, и своя же злоба, что теперь камнем на душе лежала.

Когда наконец солнце встало, он вышел в горницу. Хозяева уже в делах были. Мать в комнатухе дочь в последний путь готовила — ещё четыре женщины сновали туда-сюда: кто еду принимал, кто готовил, кто стол накрывал и в доме, и на улице. Запахло блинами, кутьей, киселём — поминальным.

Самого мужика-хозяина не было. Иван упросил, где он, — узнал, что ушёл к реке, с другими мужиками помост делать, чтобы дочь в последний путь проводить.

Ядвигу он так же не нашёл. Спросил у баб — *не видели ли?* Те махнули руками в сторону поля, *мол, туда ушла, давно уж.*

Тут его у избы изловил воевода. В одной рубахе, с топором в руках — видно, уже с утра трудился. Остановился, глянул хмуро:

— Не знаешь, что в доме-то произошло? Только Берегиня на ночь осталась, как смерть пришла сразу в стены.

Иван злобно зыркнул на главного своего:

— А ты с каких пор стал, как баба, сплетни собирать? Не знаешь — не мели чушь. Берегиня сделала всё, что могла, и даже больше.

Сплюнул и пошёл дальше, не оглядываясь. Вдалеке заметил лавки со снедью — деревенские мужики уже разложили товар, кто что смог вырастить на тощей земле. Иван вспомнил про босые ноги Ядвиги и заспешил туда — в надежде найти ей обувь исправную, как себе обещал. Прошёлся по скудным лавкам.

Лучшее, что смог найти, — поршни. Мягкие, сшитые из одного куска кожи, с продетыми ремешками, чтобы обматывать вокруг ноги. Рядом прихватил и носочки беленькие. Хотел ещё

сарафан новый или рубаху приглядеть, да не было ничего. Хоть бы кусок ткани нашёлся на пошив — так и того в лавках не оказалось.

Ну хоть так порадует. А в большом городе сыщет ей и одёжу поновее, и коты нарядные — настоящие, женские, какие она заслуживает.

Двинулся он с подарком в сторону поля, чтобы Ядвигу найти. Тем временем девушка сидела посреди поля. Руками в землю закопавшись, на коленях стояла и с силой говорила. Просила землю-матушку, колыбельные ей пела, уговаривала простить люд простой. Показывала, какие хорошие жители здесь живут, теплотой своей их обнимала.

И откликнулась ей земелюшка.

Задрожала под ногами у жителей, будто от сна просыпалась. Все в деревне почуяли — замерли кто с топором, кто с ложкой, кто у колодца. Воздух переменялся, теплом потянуло.

Иван ещё издали увидел маленькую фигурку посреди поля. А вокруг — чудо.

Пшеница колосилась, высокая, золотая, тяжёлыми колосьями клонилась к земле. Трава зеленела ярко, сочно, будто не было здесь никогда засухи. Ряды грядок с нехитрыми овощами — капустой, свеклой, морковью — тянулись ровно, радовали глаз.

Всё, что нужно деревенским жителям для сытной жизни, теперь росло здесь.

Иван хотел было к девушке подойти, но заметил Багана, который тоже за ней наблюдал. Подошёл, поздоровался. Баган ответил с той же теплотой и перевёл взгляд на свёрток в руках мужчины.

— Для сестрицы подарочек? — спросил парень, уши его дрогнули.

Иван нежно погладил ткань, где поршни да носочки лежали:

— Да, негоже ей ножки студить. Земля уже не греет так сильно, да и избыёт по камению кожу свою нежную.

Баган задумался. Не стал говорить, что для Ядвиги земля — что молоко тёплое с пенкой, никогда ей вреда не причинит. Пусть уж сам потом узнает, коли суждено. А девушка уже поднялась и навстречу им шла, руки от земли отряхивала.

— И ты, братец, тут, — молвила тепло, подходя.

— Да, — улыбнулся Баган. — Старших братцев наших тебе вернуть пришёл. Просились больно к кобылам. Вон, глядь, теперь не хуже тех, что с воеводой пришли.

Все трое обернулись к другой стороне поля. Там уже жевали сочную траву кобылицы — преобразившиеся, с лоснящейся шерстью и живыми глазами. А Индрики стояли на страже, наблюдали за ними, словно за детьми малыми.

— Чтобы я без вас делала? — Ядвига тепло улыбнулась, глядя на брата. — Доброе сердце ваше — добро другим дарит. Спасибо.

Она помахала рукой Индрикам. Те обернулись, головы мотнули — будто приветствовали, и снова вернулись к своим подопечным кобылицам.

— Ну а ты, братец Баган, — Яда повернулась к нему, — счастлив ли тут?

Парень глянул на неё, уши его странно двинулись — дрогнули, прижались, снова встали торчком.

— Говорю же, стараемся, хозяева хорошие...

— Не про это я, брат, — перебила девушка, заглядывая ему в глаза. — Ты сам — счастлив?

Баган нахмурился. Помолчал, потом выдохнул:

— Дом тут мой, тепло от земли этой, от скотины. Но одному... тяжело.

— Понимаю, — тихо сказала Ядвига. — Лучше других понимаю. Подсоблю чем смогу. Не прощаемся.

Обняла его крепко, улыбнулась и пошла в сторону деревни, махнув Ивану — *за мной, мол.* Мужчина, прижимая к себе свёрток с обновками, зашагал следом.

В деревне люди не знали, как себя вести. С одной стороны — проводы девочки в последний путь, горе в доме, поминальный стол накрыт. С другой — земля, что столько лет сохла и мучилась, вдруг ожила. Задышала, зазеленела, силу дала.

Радость прорывалась наружу, как ни пытались её скрыть. Шепотками, которые не могли унять. Улыбками, что то и дело трогали губы, когда никто не видел. Глазами, что блестели не только от слёз, но и от счастья. И поклонами — украдкой, но всё чаще — в сторону Ядвиги, что шла по деревне босая, в простом платье, но теперь каждый знал: это Она. Берегиня.

— Иван, — окликнула девушка. — Передай воеводе: на сборы час им и выдвигаемся. Здесь нам больше делать нечего.

Мужчина кивнул, прижимая к себе свёрток, так и не отдав подарок, и свернул в поисках Всеволода.

Ядвига глазами нашла Хозяина. Тот сидел у дома на лавке, лопату обнявши. Значит, помост для последнего пути его дочери готов. Она подошла и села рядом.

— Спасибо тебе, матушка Берегиня, — глухо молвил мужик, не глядя на неё. — Что не мучилась дитё моё боле. Сил не было на это смотреть. Всё бы себе забрал, если б мог.

Яда помолчала, потом участливо сжала его ладонь, похлопала.

— Не кручинься. Всем мы пройдем то, что отмерено. Не больше, не меньше. Чужого взять нам не под силу.

Мужик кивнул благодарно, и снова замолчали. Вышла к ним и матушка — та, что дитя своё уже обрядила для погребального костра.

— Просьба у меня к вам есть, — начала Берегиня. — Даже не так. Одно наставление, а второе — просьба.

Она перевела дух.

— Багана, брата, Хозяин видел ты вчера. Он скотом вашим в деревне следит, делает что может, чтоб не зачахло зверьё, хищников гоняет. Коли жеребцов прикупите — то и приплод у кобыл здоровый будет. Вы ему в конюшне небольшие ясельки отделите. Сено там должно быть свежее, чистое. Раз в неделю забирать можете старое и давать зверью меньшему — оно целебное будет. Пока чтите Багана — скот цел будет и здоров.

Мужик и женщина кивнули, принимая слова.

— Но каждому тепло нужно, — продолжила Ядвига тише. — Родное, понимающее. Это только вы, люди, нас за нечисть считаете. А душа у нас такая же — не хуже и не лучше. Она посмотрела на матушку.

— Ты, хозяйка, поговори с девицами. Вдруг какая лошадей больше других привечает, зверьё любит, да не за мужем стоит. Вы ей расскажите про Багана, пусть почаще в поле с лошадьми выходит. Авось и сложится чего.

Она сделала паузу.

— Но деву предупредите: если решит себя связать с Баганом, то станет Вилой она. Среди простого люда ей места не будет. Выбор каждый должен сделать сам.

Закончила. Мужик поднял голову, глянул на неё с благодарностью и твёрдостью:

— Поняли тебя, Берегиня-матушка. Сделаю, как велишь. А жена моя с девками покумекает.

На том и распрощались. Дружина стягивалась, собиралась. Жители провожали — всех с благодарностью, нехитрую снесь в дорогу молодцам собрали. И каждый норовил к Берегине подойти, слово молвить, поклониться.

Но дева стояла в стороне, гладила своего Индрика по морде. Глаза закрыла, будто сил набиралась. Усталость в плечах засела — видно было, как тяжело ей далась ночь и утро.

Иван стеной рядом стоял. Не мешал, не лез с разговорами — просто был. Молчаливой поддержкой, надёжной защитой от чужих взглядов и лишних слов.

Лишь когда Яда на спину к зверю своему забралась, он решился. Достал из-за пазухи ткань с подарком, аккуратно узелки развязал. Стопу её отряхнул от пыли, носочек надел — сначала беленький, холщовый. А потом и поршень — на одну ножку, бережно, будто с хрупким сосудом обращался. И так же со второй повторил.

Ядвига смотрела на мужчину сверху вниз. Ни слова не говорила. Только щёки чуть румянец тронул — тёплый, живой. В глаза старалась строгость накинута, да не выходило. Вздвинул её поступок этот. И руки мужские, что бережно, словно самое дорогое, ноги её обували.

Вышли из деревни — и тут их нагнало злобное мауканье:

— Баюна забыли, ироды! Как посмели только?!

Дружина только головы втянула — каждый вспомнил, что кот говорящий и когти у него стальные. Иван Индрика своего по холке хлопнул — тот понятиливо опустил. Мужчина соскользнул со зверя, подхватил кота и ловко закинул себе на плечо, где Бай мигом устроился, когти в кафтан вцепил. А Иван из кармана кусочек рыбки достал — видно, с утра припрятал — и скормил с ладони.

Когда двинулись дальше, кот ворчать начал:

— Вот, Ванечка, только ты меня и любишь! А она, окаянная, — Бай мотнул мордой в сторону Ядвиги, — всю душу в неё вложил! Вскормил, взростил, а она, почитай, батюшку своего забыла! В деревне глухой оставить хотела!

Ядвига усмехнулась, не оборачиваясь:

— А ты, Хранитель, дрыхни меньше. Кто кого сторожить должен?

— И что? — возмутился кот. — Ну прикорнул, умаялся! Столько сил на вас потратил — и хоть бы чуть благодарности!

— Всё, не ори, хвостатый, — отрезала Ядвига. — Чай, не собака, чтобы так разоряться.

Глава три

Следующие три дня селения по пути не попадались — ночевали в поле да в перелесках.

Ядвига только закрывала глаза, как проваливалась в глубокий сон, будто устала очень и никак не могла выспаться. Спала крепко, без снов, но и просыпалась всё равно не отдохнувшей — сила уходила в землю, в траву, в деревья, что тянулись к ней по обочинам.

А природа менялась.

Будто каждый стук копыта Индрика отбивал невидимый ритм, от которого всё вокруг постепенно оживало. Не так быстро, как в поле у деревушки, — более степенно, глубоко, основательно.

Жухлость уходила. Земля наливалась силой. Трава зеленела гуще, деревья расправляли ветви, даже воздух становился иным — свежим, живым.

Дружина ехала молча, только переглядывалась. Кто продолжал с дуру креститься украдкой, кто головой качал, но все видели: Берегиня своё дело делает. Лечит землю.

Ночью третьего дня, когда девушка уже более мирно спала, прижавшись к горячему боку Индрика, Иван и кот лёгкую речь вели. Всеволод с ними же у костра сидел — дюже интересен ему был говорящий кот. Всё косился, всё приглядывался, наконец решился:

— А ты только говорить умеешь или ещё чего?

Кот лениво валялся на скинутом кафтане Ивана — сытый, довольный, лапы к огню протянул.

— Чего ещё могу? — промурлыкал лениво. — Когти видишь?

И выпустил их на всю длину. В свете огня сталь блеснула холодно, остро.

— Вжик — и нет головы твоей, — добавил Баюн буднично, будто о погоде рассказал.

Всеволод сглотнул. Но палец протянул, когтя коснулся — осторожно, кончиком. И правда — стальной.

— А ещё убаюкать может, — прошептал Иван и встретился глазами с воеводой.

Всеволод не понял вроде, но переспрашивать не стал. Потому что увидел в глазах Ивана горечь — такую глубокую, что слова были лишними.

На следующий день пошёл дождь. Мелкий, противный донельзя — для людей. А для природы — благостный, живительный, долгожданный.

Ядвига ехала довольно, щурилась, подставляя лицо под капельки. Волосы её потемнели от влаги, прилипли к щекам, к шее, но она только улыбалась — светло, по-настоящему.

Кот под кафтан Ивана спрятался, только нос наружу торчал, да и тот недовольно пофыркивал оттуда. Дружина же в плащи куталась, ёжилась, кони их головы опустили, но шли бодро — им влага тоже в радость была.

— Яда, — Бай недовольно проворчал, — ну смилуйся! Это ты скалишься на воду, а мы тут страдаем.

Девушка оглянулась. Пальцами повела — легко, будто невидимые нити тронула. И дождь... дружину обходить стал. Вокруг — льёт, а над ними — ни капли. Будто невидимым куполом накрыло. Кони удивлённо головами прядают, воины друг на друга оглядываются, шапки снимают, проверяют — и правда, сухо.

Ядвига только улыбнулась хитро и поехала дальше, подставляя лицо дождю, что только для неё и лил.

Через пару часов дорога узкой стала — часть будто в лес упёрлась. Яда, не оглядываясь туда и двинулась. А дружина остановилась как вкопанная. Воевода Ивана окликнул:

— Вань, топи там! Не пройти войску по болотам, увязнут кони — только зверьё погубим и сами ляжем.

Иван кивнул и нагнал девушку в лесу.

— Берегиня, не смогут кони за тобой пройти. Земли эти болотные — куда ступят не туда, и увязнут.

Яда оглянувшись, посмотрела на дружину, что продолжала топтаться у кромки леса. Только воевода за ними на звере осмелился двинуться.

— Да, Сева, лес другой, картина всё та же, но хоть тебя запустил, — проказливо молвила девушка. — Ладно, вели своим, обождать. А мы дальше пойдём. Интересно мне с Хозяйкой познакомиться. А ты, коли не боишься, можешь присоединиться.

И поехала дальше. Воевода и Иван переглянулись. Последний пожал плечами и двинулся за девушкой. Всеволод же к своим метнулся, распоряжения оставил и пустился пару нагонять.

Чем дальше шли, тем болотистее становилось. Того и гляди — должны были увязнуть давно и Индрики, и кони. Но будто шаг их легче стал: как по ветру ступали, не приминался боле мох под копытами.

Всеволод только нагибался с седла, дивился, руками трогать пробовал — и правда, держит топь. Не проваливается.

— Ох, интересная же тут хозяйюшка, — пробормотала Яда. — Проверяет нас на прочность.

Тут послышался смех — девичий, тонкий, но тут же оборвался. Берегиня сразу туда Индрика направила.

Из-за берёзки выглянуло нечто. Будто ребёнок нечесаный — худенькое, синюшное, в тине с головы до пят. Глазищи большие, голубые, испуганные. Уши висячие, как у лесного зверька, из спутанных волос торчат. Смеха уже не слышно — только смотрит во все глаза, боится и убежать не решается.

Индрик опустился, и девушка легко скатилась с него. Подошла к чудушку — неспешно, с мягкой улыбкой.

— Здравствуй, дитяtko, — тихо молвила Яда. — Прости, не хотели напугать тебя. С хозяйкой вашей повидаться хочу — больно хорошо в лесу, благостно. Поблагодарить надобно.

Нечто опасливо выглянуло из-за деревца, уставилось на всех по очереди большими зелёными глазищами. Иван тоже спешился, на землю ступил, но ближе не подошёл — чуял, что не стоит пугать.

— Хозяйка злиться будет, — наконец выдало это чучелко тонким, почти детским голоском. — Боязно больно мне вас к ней вести.

Ядвига тепло улыбнулась, присела на корточки, чтобы вровень быть:

— Не бойсь. Я договорюсь с ней, не в первой.

Ребёнок задумчиво рассматривал её ещё мгновение — а потом кивнул и кинулся по кочкам резво, только космы нечёсанные замелькали между деревьями.

— Дальше пешком, — молвила Яда, оглядывая топь. — Зверей здесь оставим. Не будем испытывать чужое гостеприимство.

Она ступила на мох — мягко, бесшумно, будто век тут ходила. Пошла по следу, что недавно оставило чучелко лесное. Иван быстро её догнал.

— Кто это был? — спросил с интересом, оглядываясь на берёзку, откуда выглядывала шишига.

— Так шишига же, — буркнул Бай с плеча, озираясь по сторонам. — Чего непонятного? Яда подтверждающе кивнула.

— А повидаться к кому идём? — не унимался Иван.

Девушка остановилась, обвела рукой вокруг:

— А ты приглядишься. Какой здесь лес чистый, зелёный, сочный. Несмотря на топи да болота — видна рука хозяйская. Вот с ней и интересно словом перемолвиться. Не знакомы мы, не порядок.

Шли недолго, но дорогой, ведомой одной лишь шишиге. Лукавила, конечно, Яда — и сама бы путь нашла, да больно интересно ей в лесу этом стало. С душой хранят его от чужих глаз, с заботой. Хочется поглядеть, кто тут так старается.

Полчаса минуло — и вышли они к болоту. Большому, как озеро, всё в тине, в ряске зелёной. Лягушки переквакивались со всех сторон — голосисто, согласно, будто хором песню тянули. Шишига на камешке у бережка замерла, голову склонила и зашептала что-то под нос. То ли воде, то ли воздуху, то ли самой себе — не разобрать.

Ядвига остановилась, глаза прикрыла, к силе потянулась. И чужой силы тут немало было. Она своей будто постучалась к ней — приглашающе, чтобы дверь открыли и поговорить вышли.

И тут лягушки притихли. Шишига голову в плечи втянула, замерла, не шелохнётся.

Чуть далее от берега из воды показалась сначала макушка — с короной кривой, старой, но зубья острые торчат, да каменья тусклые в них видно. Дальше — лицо девичье, глаза тёмно-зелёные, болотные, и волосы в цвет. В них глубь такая, что и дна не видать.

Дальше — стан женский. Местами кожа, а местами — будто чешуя твёрдая: кусками на плечах, на груди, на запястьях, на животе, на бёдрах и щиколотках. Переливалась тускло в свете пасмурного дня. Шла она медленно, давая разглядеть себя во всей красе. Тина, будто платье, тело облегла — но бесстыдно так, обтягивая красивое, сильное тело.

— Береги-и-иня... — протянула она мелодично, словно вода зажурчала, переливаясь по камням.

— Ну здравствуй, коль не шутишь, — Яда улыбнулась ей. Но не тепло, как брату Багану, а более проказливо, с хитринкой в глазах.

— С чем пожаловала в топи? Надобно чего? — изогнула бровь девица зелёная.

Она уже вышла из воды и окинула взглядом Ядвигу, а после двинулась к мужчинам — плавно, покачивая бёдрами, тина на теле переливалась.

— Аль с подарками пришла? — насмешливо выдала дева болотная, останавливаясь напротив Ивана и Всеволода.

Иван и бровью не повёл — стоял рядом с Ядой, смотрел спокойно, без страха. А вот воевода нахмурился, глядя на бесстыдницу как на змею ядовитую.

— Прости уж, Дева Болотная, без подарков в этот раз, — молвила Яда. — Но с благодарностью. За нечисть ухоженную, за лес растущий зелёный, за землю, хоть и в топях, но плодородную.

Девушка подмигнула воеводе — тот аж дёрнулся — и развернулась к Ядвиге:

— Что уж... Коль земли покинуть не могу, так хоть приглядываю. Мне здесь куковать, видать, не один век.

Ядвига изогнула бровь, на силу посмотрела — внимательно так. Помолчала, пытаюсь понять слова девушки. И только через время молвила тихо:

— Уйти не можешь. Не пускает дальше леса тебя.

Болотная дева угрюмо кивнула.

— Что есть — то есть. Но всё за дело.

Ядвига с интересом смотрела на неё — и будто просила: *продолжай*.

— За грех, за дело запер меня тут отец. Вот и несу наказание по всей строгости, — в конце криво усмехнулась.

— Ты так смиренно наказание своё принимаешь? — спросила Яда просто, но сама ответа ждала.

Болотная дева помолчала, а потом кивнула:

— Да. Заслуженно. Поделом мне.

Яда понимающе кивнула, но улыбнулась — тепло, по-своему.

— Это правильно, что понимаешь и принимаешь.

Она помолчала, будто взвешивая что-то.

— Снять привязку к земле этой не могу. Не сего мира сила. Но могу её перенести. На живое. На себя, например.

Болотная дева нахмурилась:

— Зачем тебе это?

Ядвига усмехнулась лишь и руками развела:

— Считай это моей благодарностью.

Для Берегини не было преград в этом. Она благодарна была любому, кто внимал себя и других вокруг такими, какие есть, и заботился о ближнем и земле.

Девушка же задумалась. Молчала долго — видно было, как в ней борются недоверие, надежда и что-то ещё, глубоко спрятанное.

— Как звать тебя, Болотная дева? — спросила Ядвига, пока та думала.

— Можешь звать меня... Топляна.

Яда тепло улыбнулась, и в этой улыбке не было ни насмешки, ни жалости — только принятие.

— Значит, Ляной будешь.

Ещё один взгляд исподлобья — и кивок в согласие.

— Ладно, будь что будет, — выдохнула Топляна. — Тут я уже каждую травинку и волну знаю, лягушки вместо ближних. Буду рада, Берегиня, если позволишь с тобой путь продолжу, ежели привязку на себя возьмёшь.

Она решительно повернулась к Яде. И тут вмешался воевода.

— Берегиня... — голос его дрогнул, но он шагнул вперёд. — Знаю, что не велела ты мне слова говорить, но и молчать не могу. Выслушай, а потом что хочешь со мной делай. Негоже Берегине к себе нечисть привязывать!

У Яды даже ярость вскипеть не успела. Болотная дева уже стояла перед Всеволодом — в глаза ему смотрела, в самую глубь.

— Правильно говоришь, служивый, пра-а-авильно — тихо молвила Ляна. — Как ты там сказала, Берегинушка? На живое? Так вот... делай на него.

Воевода судорожно вздохнул, но к его чести — не отступил. Ядвига подошла к Ивану и переглянулась с ним удивлённо, пока парочка рядом продолжала в гляделки играть.

— Ну что, Сева, — прочистила горло Яда. — Раз влез, то пожинай плоды языка своего несдержанного.

Всеволод лишь обречённо кивнул. Берегиня же подошла к Топляне, встав напротив. Глаза прикрыла, руки подняла — медленно, плавно, будто в воду входила. Воздух вокруг задрожал.

Сначала ничего не видно было — только лёгкое марево, как над костром в жаркий день. Но потом... из груди болотной девы потянулись нити. Тонкие, призрачные, цвета тёмной воды. Они вились, пульсировали, тянулись к земле, к воде, к каждому деревцу вокруг — и обрывались в никуда, привязанные к самому этому месту.

Ядвига вздохнула глубоко и протянула руки к этим нитям. Пальцы её засветились едва заметно — тёплым, золотистым светом. Она взяла первую нить — самую толстую, что шла от сердца Ляны. Та дёрнулась, забилась, будто живая, но Яда держала крепко, гладила её, успокаивала.

— Тсс... — шепнула она. — Потерпи.

Нить послушалась. Ядвига медленно, бережно потянула её — и стала обматывать вокруг запястья Всеволода. Тот стоял, не дыша и с большими глазами наблюдал за чудом вокруг. Когда нить коснулась его кожи, он вздрогнул — холод обжёг, но тут же сменился тупой, тянущей болью. Будто корни в руку вращали.

— Не дёргайся, — не поднимая глаз, бросила Яда.

Вторая нить — от ног Ляны, что держала её в трясине. Третья — от спины, четвёртая — от самых глубоких ран, что не давали покоя. Яда брала их одну за другой, пропускала через свои пальцы, очищала от чёрной тоски и привязывала к воеводе.

Каждое касание — и Всеволод бледнел всё сильнее. Губы сжимал, но молчал. Только жилы на шее вздулись, да кулаки сжались так, что ногти в ладони впились. Ляна же... менялась.

С каждым оборванным узлом она словно распрямлялась. Дышать стала глубже, глаза — светлее. Чешуя на теле бледнела, уступая место обычной коже. Даже тина, что покрывала её, будто сама собой осыпалась, открывая чистое тело.

Последняя нить — самая тонкая, что шла от самой души. Ядвига взяла её особенно бережно, подула на неё — и та сама, как живая, обвилась вокруг шеи Всеволода, спряталась под рубаху, нырнув к самому сердцу.

Всё стихло. Яда открыла глаза, устало выдохнула, повела плечами.

— Готово, — тихо сказала. — Теперь ты, Всеволод, за неё ответчик перед этой землёй. А ты, Ляна... вольна это место покинуть.

Воевода вздрогнул — не от боли, от имени. Впервые она назвала его не насмешливо «Севой», а по-настоящему, полностью, будто признавая теперь мужчина не просто воин, а тот, кто взял на себя ношу.

Ляна стояла, разглядывая свои руки. Чешуя ушла, тина осыпалась — и она осталась совсем нагая, как дитя в первый день жизни. Красивая, сильная, но без единой нитки.

Иван резко отвернулся, уставился в ближайшее дерево. Всеволод же, хоть и перекрестился машинально, но плащ свой с плеч снял и девушке протянул:

— На, прикрой срамоту-то.

Ляна приняла, закуталась, кивнула благодарно. В глазах её плясали искорки — впервые за сотни лет она чувствовала себя живой по-настоящему.

Шли назад той же дорогой, какой пришли. Ляна ступала легко — каждую кочку здесь знала, каждую тропку, каждый мшистый камень. Не проваливалась, не оглядывалась — просто шла, как по дому, который снился сотни лет. И тут из-за кустов высунулась лохматая голова.

Шуша. Глазищи зелёные — будто еще больше стали в пол-лица, смотрит на Ляну, переминается с ноги на ногу, решаясь заговорить. А потом вышла вся, за плащ бывшую хозяйку тронула:

— Ты... ты уходишь?

Ляна остановилась, присела на корточки, чтобы быть с ней вровень:

— Да, малая. Ухожу.

Шуша всхлипнула, утёрла нос грязной ладошкой:

— А я?.. Я тут одна останусь?

Ляна глянула на неё, потом на Яду. Та стояла поодаль, ждала, не вмешивалась.

— Можно? — тихо спросила Ляна, подходя к Берегине. — Она со мной всё это время была. Одна-одинёшенька. Не гони.

Яда улыбнулась — светло, по-своему, той особенной улыбкой, какой смотрела на всех "не таких":

— Не мне решать. Её выбор — тебе с ней быть или нет. Не неволю.

Шуша сначала не поверила — замерла, глазами захлопала. А потом как кинется Ляне и Ядвиге в ноги, как запричитает! Болотная дева подняла её, за руку взяла.

— Пойдём, малая. Вместе.

Бай с плеча Ивана фыркнул, дёрнул хвостом:

— О, ещё одна нахлебница! Теперь точно рыбы не хватит.

Когда вышли к своим, воины удивлённо переглядывались, перешёптывались. Ещё бы — ушли-то трое: Берегиня, Иван да воевода. А вышли аж пятеро. И прибавление какое необычное: две женщины. Одна — красивая, статная, с глазами зелёными, в плащ воеводы кутается. А вторая — маленькая, лохматая, уши торчат из косм голубых.

Воины поначалу дичились. Кто краснел, отворачиваясь, кто бледнел, кто и вовсе глаза прятал. Не привыкли к такому соседству. Всеволод цыкнул на любопытных — и те быстро сделали вид, что очень заняты сёдлами да подпругами.

А Ляна, едва увидела столько людей, оживилась ещё больше. Подходила то к одному, то к другому, расспрашивала, смеялась, словами перебрасывалась. Нрав у неё оказался лёгкий, свободный — не то что у Яды, которая больше молчала да наблюдала.

Шуша жалась к ней, но тоже потихоньку выглядывала, рассматривая людей да диковинных зверей, Индриков.

И тут — надо же — откуда ни возмись, младшой из дружины. Парнишка лет семнадцати, конопатый, уши торчат не хуже Шушиных. Подошёл, мялся, мялся, а потом протянул ей узелок:

— На... рубаха моя запасная. И поясок. Я ростом мал, тебе впору будет.

Шуша приняла, уставилась на тряпицу, потом на парня, потом снова на тряпицу. И как разревелась! Люди, первый раз в жизни, ей подарок сделали. Не гнали, не били, не проклинали — а дали. Сами.

Ляна обняла её, вытерла слёзы, помогла одеться. Рубаха и правда пришлась в самый раз, а поясок два раза обернуть пришлось — худая больно Шуша, но ничего, затянули.

Всеволод тоже в сумках седельных пошуршал, подошёл к Ляне, протянул — рубаху тёплую, штаны простые на шнурке.

— На, — буркнул. — Переоденься. Я плащ подержу и покараулю.

Ляна не расплакалась, как Шуша, но растерялась. Стояла, смотрела на вещи в руках мужчины расширенными зелёными глазами, и будто не верила. Всеволод, не выдержав, сам ей всё в руки впихнул, за коня подтолкнул и дружине махнул — *мол, отойдите, не глазейте*.

Девушка стояла за животиной, плащом прикрытая от мужского любопытства, и гладила ткань пальцами. Давно она не видела одежды. Да и доброты столько за один раз, наверное, никогда не видывала.

А Иван тем временем к Яде подошёл. Помялся, кашлянул в кулак, потом решился:

— Берегиня... — начал осторожно. — Не могла бы ты ещё одного Индрика позвать? Вон сколько народу теперь. Тесно нам.

Яда глянула на него — без насмешки, но с усталостью.

— Заняты братья. Не буду попусту дёргать.

Иван задумался. Перевёл взгляд на Индриков, на Ляну с Шушей, на Всеволода, что возился у коня. А потом снова к девушке повернулся:

— Тогда давай я с тобой поеду. А на моего зверя Ляну с девчушкой посадим.

Ядвига удивлённо на него посмотрела — будто впервые увидела. Помолчала, потом коротко кивнула:

— Пусть так.

И отвернулась быстро, делая вид, что очень занята — гриву Индрику поправляет, хотя та и так лежала ладно. А щёки тёплым румянцем залило — Иван, если б глянул, заметил бы. Но он уже к Ляне пошёл, новость сообщать.

В дороге стало веселее. Ляна от воеводы не отставала — болтала без умолку, расспрашивала обо всём подряд: как тут люди живут, что едят, по ком скучают. Всеволод сначала хмурился, но отвечал. Без злости, даже с какой-то усталой терпеливостью. А Ляна слушала, кивала, и глаза её горели — так ей всё было внове, так всё любопытно.

Шуша рядом с ней на Индрике сидела, шею вытянула, вертела головой по сторонам. Деревья, птицы, облака — всё разглядывала, всему удивлялась. И то и дело дёргала Ляну за рукав: «А это что? А это?»

А впереди, на большом звере Яды, ехали Иван с Бергинею. Ядвига поначалу даже дышала реже. Сидела, пальцы мяла, спину держала прямой-прямой, будто кол проглотила. Такие странные ощущения — от близости, от тепла, от рук Ивана, что одной рукой её придерживал, а второй в гриву вцепился.

Если бы она спиной видеть умела — знала бы, что Иван то и дело косится на неё. Украдкой, но тепло. И улыбается.

— Надо бы ближе к речке остановиться, — осторожно начал Всеволод, косясь на Ядвигу. — Смеркается, а женщинам помыться надобно. Только не видно уже ничего.

Яда, пригревшись в руках Ивана, даже ухом не повела — дремала. Видно, усталость свою брала. Иван окинул местность взглядом. Справа лес, посреди дорога, слева поля — пусто, хоть шаром покати. Ни речки, ни ручья.

Тут кот влез. Бай с плеча Ивана свесился, жёлтые глазищи прищурил довольно:

— В паре вёрст отсюда, в лесу, речка нам параллельно вьётся. Как раз девам намыться, — он покосился на Ляну с Шушей, — а мне чтобы рыбы наловили. Заодно и уха будет.

И закрутились все в делах. Стоянку разбили чуть в полтора верстах, в лесу. Здесь уже болот не было — земля плотная, сухая, под деревьями мягко. Дружина охотно и споро раскладывалась: кто костры разводил, кто коней расседывал, кто котлы готовил.

Иван девочек повёл к реке. Бергинея с ними пошла — не столько мыться, сколько за порядком приглядеть. Кот в предвкушении нёсся рядом, а то и впереди, путь указывая, хвост трубой, усы топорщатся.

Вскоре вышли к воде. Речка — не широкая, но чистая, быстрая, с песчаным бережком. В сумерках вода казалась тёмной, но всё равно манящей.

Девочки разделись донага и пошли купаться — подальше, за кусты. Бергине и нечисти ночь не страшна: даже в темноте лучше любой кошки видели.

Кот за ними по берегу — рыбу ждал. Шуша ему ловила да под ноги кидала. А он приговаривал довольно:

— Вот молодец, вот умница! Толк-то есть от тебя, оказывается. Моя ты любимая рыболовительница.

Всеволод же тем временем их нагнал. Оставил для девочек свежую смену одежды на поваленном стволе, крикнул негромко:

— Одежу чистую на берегу оставил! — и собрал рубахи, штаны Шуши и Ляны, в которых те ехали. Только под нос бубнил: — Ишь, тиной да рыбой воняет... Непорядок.

И пошёл стирать чуть вдалеке, ниже по течению.

Иван стоял рядом, спиной к воде, и слушал, как за кустами смеются, плещутся, как кот мурлычет да рыбу уминает сырую прям, нечищеную. А сам думал: хорошо. Как же хорошо. И только одна мысль царапала — у Яды сарафан один. Подол весь в дорожной пыли, в грязи, кое-где подпалины от костра. Надо в городе обязательно новый купить. Самый лучший.

Тем временем Ядвига Топляне волосы душистым мылом намыливала.

— Ваня-то хорош, — молвила Ляна, жмурясь от удовольствия. — Добрый мужик.

Яда нахмурилась, не понимая, к чему это болотница завела, но кивнула — хоть та и не видела. А Ляна продолжила, не унимаясь:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.